МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сасова Елена Александровна

«Литературная личность» Ф.М. Гримма в эпистолярных текстах (переписка с графами Н.П. и С.П. Румянцевыми)

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2019

Работа выполнена на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: ***Пахсарьян Наталья Тиграновна***
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры истории зарубежной литературы
филологического факультета

Официальные оппоненты: ***Алташина Вероника Дмитриевна***
доктор филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
профессор кафедры истории зарубежных литератур
филологического факультета

Ермоленко Галина Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
профессор кафедры литературы и журналистики
филологического факультета

Кашлявик Кира Юрьевна
доктор филологических наук, доцент
Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики
профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации
факультета гуманитарных наук

Защита диссертации состоится «12» сентября 2019 года в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.10 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: zarubezh@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д.27) и на сайте ИАС «Истина»: https://istina.msu.ru/dissertations/206650831/

Автореферат разослан « » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук Новикова Н.К.

«Литературная личность» Ф.М. Гримма в эпистолярных текстах (переписка с графами Н.П. и С.П. Румянцевыми)

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена проблеме «литературной личности» и авторепрезентации в эпистолярных текстах Фридриха Мельхиора Гримма (1723-1807), энциклопедиста и автора «Литературной корреспонденции».

Немец по происхождению, выпускник Лейпцигского университета, Гримм начал литературную карьеру в Париже в начале 1750-х годов. Познакомившись с парижскими литераторами (первым его другом стал Жан-Жак Руссо, который представил нового знакомого Дени Дидро, барону Гольбаху, аббату Рейналю, Жан-Франсуа Мармонтелю, госпоже д'Эпине и другим), он становится активным участником литературной и салонной жизни. В 1750 году он публикует «Письмо о немецкой литературе», в 1751 – его продолжение. В 1753 году его памфлет «Маленький пророк из Бемишброда» производит сенсацию во время музыкально-эстетической дискуссии, вошедшей в историю под названием Война буффонов. В этот же период, заслужив репутацию тонкого и остроумного критика, Гримм начинает новую страницу своей жизни: с легкой руки аббата Рейналя, уступившего ему часть своих читателей, он начинает «Литературную корреспонденцию», которую Й. Шлобах справедливо назвал «целым институтом, где европейские монархи постигали тайны французской культуры»[1].

Рукописная газета, выходившая два раза в месяц, имела очень ограниченный круг подписчиков: не более двадцати представителей европейских правящих домов, с которыми Гримм делился подробностями культурной жизни Парижа. Это предприятие было делом его жизни на протяжении 20 лет, и не зря Гримм иногда

[1]Schlobach J. «Grandeur et misère d'un médiateur culturel : Friedrich Melchior Grimm, russe, français et allemand ». Op.cit. C.42.

называл его своей «коммерческой отраслью»[2]: оно принесло ему стабильный и достаточно высокий доход. Еще более ценным приобретением было личное общение, иногда даже дружба, с несколькими монархами и коронованными особами – самой известной из подруг Гримма стала императрица Екатерина II. Первое путешествие в Петербург, которое Гримм предпринял одновременно с Дидро в 1772-1773 годах, оказалось успешным: императрица была очарована своим литературным корреспондентом, регулярно приглашала его на ужин и просила остаться для приватной беседы у камина. Успех в петербургском обществе стал одной из причин, по которым Гримм окончательно оставил «Литературную корреспонденцию». У. Шелвинг и Й. Шлобах предполагают, что, вернувшись в Париж, Гримм хотел утвердиться в новой роли представителя и корреспондента Екатерины II и оставил рукописную газету (но не финансовое управление и контакты с коронованными подписчиками), когда его чаяния подтвердились[3].

Степень изученности вопроса. Большая часть исследований посвящена первому периоду жизни Гримма: «Литературной корреспонденции», его отношениям с энциклопедистами, в то время как научная библиография о его жизни и творчестве после 1773 года является весьма ограниченной, а исследования частной переписки практически не проводились.

В частной корреспонденции Гримма, оставившего огромное эпистолярное наследие, вызывает интерес, в первую очередь, его переписка с Екатериной II, которая длилась с 1773 по 1796 год. Она привлекла внимание исследователей очень рано и была опубликована Я.К. Гротом в трех томах Сборника российского исторического общества в 1878, 1881 и 1885 годах[4]. Издание Грота включало в себя

---

[2]Гримм – Мейстеру, Берлин, 1 июня 1773 // Kölving U., Schlobach J. Cinq lettres de Grimm à Meister (1773-1776). Op.cit. C.168.

[3]Kölving U., Schlobach J. Cinq lettres de Grimm à Meister. Op.cit. C.170.

[4]Сборник Русского исторического общества, том 23 СПб, 1878; Сборник Русского исторического общества, том 33 СПб, 1881; Сборник Русского исторического общества, том 44, СПб, 1885.

все найденные на тот момент части переписки, но не имело комментария и носило следы редакторской правки. Новое издание[5], существенно дополненное, с обширным научным аппаратом и комментарием, появилось в 2016 году; на данный момент выпущен один том переписки с 1764-1778 годы.

Другие частные переписки Гримма не стали предметом пристального изучения. Самыми крупными являются подготовленные Й.Шлобахом издания избранных писем: первое вышло в 1972 году[6], второе — в 2009[7]. В два сборника входят письма Гримма разных лет И.К. Готтшеду, Ф. И Т. Троншенам, В. Нессельроде, Каролине Гессен-Дармштадской, Станиславу Понятовскому, А.С. Голицыной и другим. Переписки Гримма с представителями петербургского двора представляют большую часть его наследия, хранящуюся преимущественно в российских архивах. Только малая доля этих корреспонденций была изучена и хотя бы частично опубликована. Подробный обзор писем Гримма к русским корреспондентам дал А.Ф. Строев[8]. В своей статье исследователь рассмотрел состав архивных материалов, привел примерный список корреспондентов, описал тематику их общения, указав на то, что одним из самых обширных и перспективных для изучения фондов является переписка Гримма с графами Н.П. и С.П. Румянцевыми[9]. Она привлекла внимание исследователей еще в XIX веке, когда В.В. Тимощук опубликовал обзорную статью[10] о письмах, переданных ему графом Д.А.

---

[5]Catherine II, Grimm F.M. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières , Tome 1, 1764-1778 / под ред. S.Â. Karp. Ferney-Voltaire, M., 2016.

[6]Grimm F.M. Correspondance inédite. München, 1972.

[7]Grimm F.M. Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm: 1723-1807. Genève, 2009.

[8]Stroev A. Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755-1804 // La culture française et les archives russes. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2004.

[9]Гримм познакомился с молодыми графами во время первого путешествия в Петербург в 1773 году и был приглашен сопровождать их в образовательном путешествии по Европе. Подробнее см. Приложение 1.

[10]Тимощук В.В. Корреспондент императрицы Екатерины II Фридрих Гримм в переписке с графами Николаем и Сергеем Румянцевыми, 1774-1804 // Русская старина. 1889, том 61. С. 435-458.

Толстым. Работа В.В. Тимощука свидетельствует о внимательном изучении переписки, так как ученый отдает должное высокой интимности их общения, большому количеству деталей частной жизни. Однако, он рассматривает корреспонденцию Гримма и Румянцевых как приложение к его переписке с императрицей, поэтому учитывает только те части писем, в которых упоминается Екатерина II, оставляя за рамками исследования их историческую и литературную ценность. Большая часть фонда (более 200 писем) остается неопубликованной и не известной читателю. По этой причине детальный анализ переписки Гримма и Румянцевых представляется несомненно актуальным для исследования истории и культуры Просвещения в период с 1770 года до Французской революции.

Методология. Продуктивным инструментом анализа является термин «литературная личность». Он был введен Ю.Н. Тыняновым в статье «Литературный факт» (1924), затем был использован в работе «О литературной эволюции» (1927). «Литературная личность» является, по мнению Ю.Н. Тынянова, «явлением стиля, которое приводит к лицу автора», и этому способствуют лексика, синтаксис, а также особенный «интонационный фразовый рисунок»[11]. Особенно важным для исследований эпистолярного жанра является замечание ученого о том, что понятие «литературной личности» выходит за рамки непосредственно художественной литературы[12] и может, таким образом, быть применено и к анализу нехудожественных текстов. Другим элементом, связывающим понятие «литературной личности» с поэтикой частного письма, является представление о динамике: Ю.Н. Тынянов отрицает статичность применительно к «литературной личности» и настаивает на ее изменчивости[13], отвечающей «податливому» явлению

[11]Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С.255-270.

[12]Там же.

[13]Там же.

эпистолярности с ее фрагментарностью и недоговоренностью[14]. Наконец, «литературная личность» является понятием объединяющим, отличным от «лирического героя», принадлежащего конкретному тексту.

Установка на получателя приводит к тому, что письмо использует все средства классической риторики «чтобы убедить или соблазнить»[15]. Связь эпистолярия и риторики выражается, в первую очередь, в том, что и ораторская речь, и письмо являются актом социальным, производимым для другого и благодаря другому, а не для самого себя; как не существует речи без публики, так и невозможно письмо без адресата. Исходя из этого фундаментального сходства, многие исследователи предлагают применять теоретический аппарат риторики к анализу эпистолярных текстов, в частности, продуктивным оказалось понятие *этоса* (ἦθος), встречающееся в работах и Аристотеля, и Квинтилиана, и Цицерона, и которое Дж. Бомлин обобщает как «характер/личность в том виде, в котором он выражается в тексте»[16]. Сближение «литературной личности» и *этоса* на материале эпистолярия представляется продуктивным. Изучаемый на микроуровне отдельного письма *этос* позволит рассмотреть образ автора вне его связи с предыдущим контекстом или жизненными реалиями; распространение его на несколько писем поможет точнее проанализировать элементы эпистолярного пакта и эпистолярной игры. Одновременно с этим на макроуровне целой переписки гибкость и всеохватность понятия «литературная личность» даст возможность изучить динамику образа от *этоса* к *этосу* и объединить фрагменты образа автора в более крупные тематические группы (личные отношения с собеседником, вопрос национальной принадлежности, роль придворного).

---

[14]Там же.

[15]Grassi M.-C. Lire l'épistolaire. P. : Armand Colin, 1998. C. 32.

[16]Baumlin J.S. Ethos // The Encyclopedia of Rhetoric. Oxford: University Press, 2001. C. 263.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. В первую очередь, это возрастающий в последние десятилетия интерес к фигуре Ф.М. Гримма как одного из активнейших деятелей французского Просвещения. На фоне этого интереса представляется несомненно актуальным обратить внимание, во-первых, на его корреспонденции с представителями русской аристократии, а, во-вторых, на литературную составляющую его писем в контексте поэтики частного послания, в частности, малоизученную проблему авторского образа в частном послании; этот вопрос затрагивается в общих работах Б. Мелансона, Дж. Элтман, Ж. Арош-Бузинак[17], но не рассматривается в качестве конститутивного элемента поэтики частного письма[18]. Эта лакуна создает необходимость в более пристальном изучении образа автора в эпистолярном тексте.

Целью работы является подробный анализ образа автора в сравнительно большом корпусе писем. Раздробленность и вариативность этого образа создает широкий калейдоскоп масок, как недолговечных, так и существующих на протяжении десятилетий, служащих связующей нитью между корреспондентами вне зависимости от смены их социального статуса. Это феномен и позволяет предположить, что именно образ автора (и его собеседника) является фундаментом эпистолярного обмена. Поставленной цели соответствуют следующие з**адачи:**

- рассмотреть современные подходы к изучению вопроса в отечественном и зарубежном литературоведении, определить и уточнить основные используемые термины: «литературная личность», *этос*, эпистолярный пакт.

---

[17]Melançon B. Diderot épistolier : contribution à une poétique de la lettre familière au XVIIIe siècle. Montréal: Fides, 1996; Altman J.G. Epistolarity: Approaches to a Form. Columbus: Ohio State University Press, 1982; Haroche-Bouzinac G. Voltaire dans ses lettres de jeunesse: 1711-1733, la formation d'un épistolier au XVIIIe siècle. Paris: Klincksieck, 1992.

[18]Среди исследований, рассматривающих влияние авторского образа на поэтику письма можно отметить работы французских исследователей: Volpilhac-Auger C. Voltaire bénédictin, ou les aléas de la correspondance // Revue Voltaire. 2011. № 11. С. 225–235; Lecointre S. Diderot, Lettres à Sophie Volland : le dit et le non-dit // L'information grammaticale. 1987. № 33. С. 14–19; Cammagre G. Diderot dans les «Salons»: enjeux rhétoriques et esthétiques de la représentation de soi // Diderot Studies. 2007. (30). С. 179–193.

- выявить особенности авторепрезентации в эпистолярных текстах Ф.М. Гримма и закономерности развития образа в зависимости от фигуры собеседника.

- Изучить различные маски-*этосы*, их развитие и взаимодействие внутри «литературной личности»

- поместить переписку Гримма с Румянцевыми в культурно-исторический контекст последней трети XVIII века, когда эпистолярная традиция по-прежнему испытывала влияние галантной модели, но претерпевала также изменения под влиянием нарождающихся сентименталистских тенденций.

Предметом исследования является механизм создания литературной личности Ф.М. Гримма внутри двух связанных между собой переписок. **Объектом исследования** является фонд неизданных писем Гримма Н.П. и С.П. Румянцевым, которые хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), фонд 255 (Румянцевы), картон 7, дела с 27 по 42. Он включает в себя 217 писем, датированных с 1774 по 1805 годы[19]. Все письма написаны рукой Гримма, кроме последних пяти (1797, 1799 и 1801 годы), когда ослепший Гримм не мог писать самостоятельно. Датировка не представляет существенной трудности, так как из всего корпуса только 16 писем не имеют даты; написанные с небольшими интервалами в конце 1774 года, они могут быть расположены в хронологическом порядке. Дела с 27 по 37 содержат письма, адресованные графу Н.П. Румянцеву с 1782 по 1789 год; дела с 38 по 42 — письма его младшему брату, отправленные с 1774 по 1801 год. За редкими исключениями все письма атрибутированы правильно.

[19]Некоторая часть писем Гримма Румянцевым хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург). В данной работе использован только основной фонд писем, хранящийся в НИОР РГБ.

Положения, выносимые на защиту:

1. В силу динамической природы «литературной личности» образ Гримма неустойчив и адаптируется к изменениям, создавая соответствующее эпистолярное пространство для каждой трансформации.

2. В зависимости от контекста, *этосы* могут быть индивидуальными для одного письма или повторяющимися на протяжении всей переписки, составляя, таким образом, набор ассоциаций и лексических средств, которые Гримм использует для создания нужного эффекта несколькими штрихами.

3. Зависимость образа автора от образа собеседника является двусторонней: в одном случае Гримм подстраивается под ожидания собеседника (в переписке с Николаем Румянцевым; при упоминании Екатерины II), в другом, - навязывает корреспонденту нужную ему маску (*этос* германца или преследуемого).

4. За вечно колеблющейся структурой «литературной личности» Гримма проступает рефлексия о его месте в мире и о его статусе. Сложное взаимодействие «национальных» *этосов* указывает на неоднозначность его отношения к космополитизму и на то, что Гримм не причислял себя к космополитам. Комплекс образов, связанных с фигурой монарха (в особенности, Екатерины II), свидетельствует о попытке определить собственный статус в системе существующих придворных отношений.

5. Основой переписки является эпистолярная игра, поэтому каждое письмо, помимо медиативных функций, обладает и определенными художественными задачами.

6. Понятие эпистолярной игры вводит связывает письма Гримма и Румянцевых с галантной традицией, оказавшей значительное влияние на эпистолярии XVIII века; одновременно с этим, эта корреспонденция свидетельствует о преодолении галантной модели под влиянием

сентименталистских традиций, что особенно очевидно при изучении интимного и частного в письмах Гримма Румянцевым.

Новизна работы заключается в том, что впервые в научный обиход вводятся архивные источники, важные для изучения актуальных проблем истории, культуры и литературы XVIII века. В работе предлагается новый подход к изучению эпистолярной формы, используя понятие «литературной личности», которое позволяет раскрыть протеистическую природу автора, а также прибегая к понятию *этос* для анализа динамики противоречивых черт образа корреспондентов.

Теоретическая значимость заключается в том, что работа вносит вклад в изучение специфики эпистолярного жанра, особенностей культуры эпохи Просвещения, русско-французских связей в XVIII веке, расширяет и уточняет представление о литературной и культурной деятельности Ф.М. Гримма. Работа также проливает свет на некоторые аспекты жизни и деятельности графов Румянцевых: учебу в Лейдене, деятельность Н.П. Румянцева во Франкфурте, детали частной жизни С.П. Румянцева. Наконец, работа по-новому раскрывает соотношение собственно литературного процесса и так называемых биографических жанров словесности.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в общих и специальных курсах по истории западноевропейской и русской литературы XVIII века, русско-французских литературных и культурных связей, теории и истории эпистолярного жанра, по работе с рукописными эпистолярными источниками.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и двух приложений.

Апробация работы. Основные положения исследования отражены в четырех публикациях в журналах, которые входят в перечень изданий, утвержденных МГУ им. М.В. Ломоносова и в перечень ВАК РФ.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** формулируется основная проблематика и положения исследования, обосновывается актуальность темы и ее новизна, определяются цели и задачи диссертации, дается обзор работ, затрагивающих жизнь и творчество Ф.М. Гримма. Центральное место во Введении занимает обзор инструментов анализа образа автора в художественном и нехудожественном тексте.

Первая глава **«Проблема авторепрезентации в эпистолярном тексте»** посвящена анализу черт поэтики частного письма.

В **разделе 1.1 «Эпистолярный пакт»** анализируется, каким образом реализуется в переписке Гримма и Румянцевых этот фундаментальный для эпистолярия феномен: он выражает «правила игры», которая объединяет двух корреспондентов[20]. Исходя из бесконечного множества возможных статей и вариативности пакта, Б. Мелансон предлагает изучать его как «принцип», определять систему функционирования каждой отдельной переписки, выявлять специфические черты и оригинальность конкретного пакта, а не конструировать общую схему, применимую ко всем письмам. Однако, другие исследователи выделяют некоторые аспекты, которые можно считать общей основой любой корреспонденции. Ж. Арош-Бузинак описывает две главные характеристики: регулярность и обязательство поддерживать письменную беседу, другими словами, необходимость отвечать на каждое письмо[21]. Подобным же образом Дж. Элтман

[20]Melançon B. Op.cit. C. 215.

[21]Haroche-Bouzinac G. Voltaire dans ses lettres de jeunesse. 1711-1733. La formation d'un épistolier au XVIII siècle. P. : Klincksieck, 1992. C. 137. Исследовательница считает, что эти условия способны преодолеть и главную жанровую особенность эпистолярия, а именно – его фрагментарность, так как они связывают воедино разрозненные части единой корреспонденции.

подчеркивает, что в эпистолярном тексте читатель призван ответить и, тем самым, стать автором, чтобы поддержать нарративную ткань эпистолярия[22].

Соответственно с этим, изучение образа Ф.М. Гримма в его письмах к графам Румянцевым стоит проводить в приложении к образу читателя и в зависимости от установленного между ними эпистолярного пакта. В обеих перепискахъ в разные годы «подписываются» несколько пактов, которые включают в себя общие аспекты и многочисленные частные статьи. Эпистолярные пакты, связывающие переписки Гримма и Румянцевых отличаются динамичной изменяющейся структурой. Гримм с легкостью меняет маски, представая то человеком, страдающим от самого акта написания письма, то занятым и деловым жителем Парижа, то нерадивым учеником. Этот феномен схож с созданием литературного персонажа, о чем упоминает М. Эскола. Он дополняет определение эпистолярного: при написании письма автор рискует стать другим, а читая полученное, он должен принять то, что и собеседник окажется не тем, кого он знает[23].

В **разделе 1.2 «Эпистолярный *этос*»** изучается многообразие и изменчивость образа автора в зависимости от контекста и собеседника. Для анализа этого феномена предлагается воспользоваться термином этос, так как изменяемость и подвижность эпистолярного пакта соответствует представлениям о динамической «литературной личности», переходящей от одного *этоса*/маски к другому. Эта глубинная сплетенность элементов эпистолярности предостерегает читателя от упрощенного понимания маски как наносного, исключительно внешнего аспекта. С.С. Аверинцев утверждал, что *этос*, роль, маска — это не набросок, но, наоборот, концентрированный максимум личности: «личность, данная как личина, лицо,

---

[22]Altman J. Epistolarity : approaches to a form. Op.cit. C.89.

[23]Escola M. De la lettre aux belles-lettres // fabula.org [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabula.org/atelier.php?De_la_lettre_aux_belles-lettres

понятое как маска, - это отнюдь не торжество внешнего в противовес внутреннему или, тем паче, видимости в противовес истине. […] Неподвижно-четкая, до конца выявленная и явленная маска – это смысловой предел непрерывно выявляющегося лица. Лицо живет, но маска пребывает»[24].

В современном литературоведении *этос* во многом стал синонимом авторского образа, согласно определению, которое дала ему Р. Амосси: «*этос* — это авторский образ, который создается в речи»[25] и который включает в себя внелингвистические элементы, такие как социальный статус, биография или отношения, которые связывают автора и адресата текста. Опираясь на расширенное определение *этоса*: множество образов, зачастую различных и даже противоречивых, которые взаимодействуют и создают движущийся калейдоскоп образа одного и того же автора[26], возможно учесть все изменения и динамику литературной личности Гримма внутри двух тесно связанных переписок.

В переписке Гримма и Румянцевых этот феномен не только выражен, но и осознан самим Гриммом, который неоднократно говорит о желании адаптироваться под собеседника, стать ему приятным и описывает это яркой формулой «навязчивый гермафродитизм» (hermaphrodisme obstiné). В посланиях к Н.П. Румянцеву тон Гримма серьезный, деловой при обсуждении дипломатических новостей, в некоторых моментах — лиричный, а в переписке с Румянцевым-младшим, он проявляет иную грань «калейдоскопа *этосов*» — ироничную, насмешливую, нередко язвительную. При этом необходимо обратить внимание на то, что в основе любого письма лежит диалог, поэтому конфидент редко бывает пассивным слушателем, наоборот, его голос слышен в письмах главного героя через цитаты и

[24]Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность». Указ.соч. С.24.

[25]Amossy R. La double nature de l'image de l'auteur. Указ.соч. [электронное издание].

[26]Ibid.

парафразы[27]. К тому же, помимо «эха», которым они являются, присутствие собеседника очевидно в реакциях Гримма на те или иные аспекты полученного письма, и даже без прямого указания на них диалог можно считать состоявшимся.

В этой диалогичности кроется и главное отличие риторического и эпистолярного *этосов*. Между оратором и его публикой нет ни временных, ни пространственных разрывов, а реакция и речь происходят в одном временном промежутке. В случае с письмом колоссальной важностью обладает все, что разделяет собеседников. Это позволяет считать эпистолярную авторепрезентацию более ярко выраженной, так как более долгий промежуток между ответами дает возможность проработать диалог.

Этому аспекту посвящен **раздел 1.3 «Разлука: эйфория и дисфория»**. Дж. Элтман метафорически определяет главную функцию эпистолярной формы как to bridge the gap[28] — «перебросить мост через пропасть». Действительно, письмо служит проводником между двумя корреспондентами, заполняет разделяющую их пустоту и потому носит эйфорический характер. Однако, эта функция может реализовываться двояко и иметь и негативный аспект, когда автор уделяет больше внимания «пропасти», чем «мосту»[29]. Расстояние между корреспондентами по-разному отражается в их переписке, что изменяет роль письма: оно может заставить полностью исчезнуть расстояние и создать иллюзию присутствия или, наоборот, сделать расставание еще более очевидным и усугубить страдания. Соответственно с этим изменяется и позиция автора, указывающего на тот или иной аспект.

В 1774-1775 годах Гримм настаивает на позитивном ощущении от их переписки и подчеркивает, что процесс написания письма создает иллюзию близости. Однако, эйфория продлится недолго, и в дальнейшем он будет более

[27]Altman J. Op.cit. C.51.

[28]Altman J. Op.cit. C.136.

[29]Ibid.

детально и нестандартно разрабатывать тему разлуки. В переписке с Н.П. Румянцевым , где Гримм выступает в образе страдающего от расставания друга, тема отсутствия выражена более ярко и, соответственно, с куда меньшей простотой уничтожается разделяющее их пространство. Совершенно противоположное представление о разлуке отражено в переписке Гримма с С.П. Румянцевым, где расставание – важнейшее условие для поддержания общения. В переписке с С.П. Румянцевым Гримм создает *этос* наставника молодого графа, enfant terrible, жестокого и несправедливого. Присутствие собеседника коннотировано негативно, а разлука, напротив, представляется благотворным явлением для общения, невозможного при прямом контакте[30].

Как заключает Б. Мелансон, социальное существо по необходимости меняется, как писал в 1768 году Д. Дидро Софи Воллан: «Это просто удивительно, сколько у меня ролей в этом мире»[31]. Так и Гримм, в зависимости от ситуации, использует тот из большого арсенала своих образов, что наиболее адаптирован к случаю. Его *этос* всегда согласован с образом собеседника, но и тот никогда не является эмпирической реальностью[32], но лишь отражением, преломленном в сознании Гримма. При этом, каждый из образов вписан в рамки заключенного эпистолярного пакта, поэтому изменения одной из частей неизбежно влекут за собой изменения всей структуры. Акт написания письма является и актом творения «литературной личности», он провоцирует создание персонажей, так или иначе

[30]Ф. Симоне-Тенан анализирует эту проблему в переписке Ф. Кафки и Ф. Бауэр ; Дж. Элтман изучает идею благотворной разлуки в новелле Коллет «Митсу» (*Mitsou*, 1919). // Simonet-Tenant F. Aperçu historique de l'écriture épistolaire : du social à l'intime // Le français aujourd'hui. 2004. № 147. С. 35–42; Altman J. Op.cit. C.27-31.

[31]Melançon B. Op.cit. C. 159.

[32]Б. Бре предлагает читателю не искать в письмах объективных образов и, анализируя письма госпожи де Севинье, сравнивает их с «искажающими линзами». По его мнению, в переписке читатель имеет дело только с «фрагментом автопортрета», «литературной продукцией», которую только с большой натяжкой можно идентифицировать с реальным автором. // Bray B. Quelques aspects du système épistolaire de Mme de Sévigné // Revue d'Histoire littéraire de la France. 1969. № 3/4. С. 491–505.

соотнесенных с реальным человеком[33] и отражающих всю сложность самоопределения даже в рамках одной корреспонденции.

Глава II «Разрозненное Я» посвящена рефлексии Гримма о его месте в обществе и строится вокруг двух магистральных тем: национальная самоидентификация Гримма и его положение при дворе.

В разделе 2.1 **«Полу-француз, полу-немец, полу-русский»: вопрос национальной самоидентфикации»** рассматриваются четыре «национальных *этоса*» и их отношение к репутации космополита, которая прочно закрепилась за Гриммом. Он, как и его друг аббат Галиани, и множество его корреспондентов, воплощает самый тип космополита того времени: русский дипломат немецкого происхождения, пропитанный французской культурой[34]. Однако, переписка с Румянцевыми свидетельствует о том, что подобная космополитичность Гримма не вписывается в рамки современных ему концепций космополитизма, так как он ощущал себя одинаково причастным и к Германии, и ко Франции, и к России, и придавал особое значение каждой национальной составляющей своего образа.

Раздел 2.1.1 «Германия» посвящен *этосу* германца, в котором сосредоточена вся привязанность Гримма к родным краям. Если в письмах к Румянцеву-старшему Гримм ограничивается благожелательными замечаниями и приветствует интерес собеседника к немецкой культуре, то в письмах к его брату он осознанно создает *этос* «германца» и противопоставляет ему высокомерного «русского» (самого Сергея Петровича), для которого Германия — это «пугало» (bête noire). При этом Гримм непоследователен в своей терминологии и наравне использует два обозначения: и «германец» (germain), и «немец» (allemand); подробный анализ писем позволяет сделать вывод, что латинизированные формы ассоциируются у

[33]Sweetser M.-O. Madame de Sévigné, écrivain sans le savoir ? // Cahiers de l'AIEF. 1987. № 1 (39). C. 143.

[34]Stroev A. Friedrich Melchior Grimm et ses correspondants d'après ses papiers conservés dans les archives russes, 1755-1804. Op. cit. C. 59.

него с объединенной немецкой культурой, о которой он мечтает, с чем-то большим, чем географическое Allemagne, поэтому термин germain гораздо чаще используется в эпистолярной игре, именно он противопоставлен образу высокомерного русского. Но развернутая Гриммом полемика – это продукт его собственной эпистолярной игры. Образ «высокомерного» русского был введен в переписку Гриммом в качестве антипода «германцу», и эта игра была подхвачена собеседником. Таким образом, в эпистолярном пространстве возник игровой «конфликт», который дал Гримму удобную возможность развивать дорогие его сердцу идеи о немецкой культуре и языке как способе создать национальное единство.

В **разделе 2.1.2 «Россия»** исследуется «русская составляющая» в литературной личности Гримма, выраженная менее ярко, однако, регулярно проявляющаяся в его переписке с графами Румянцевыми. Й. Шлобах настаивал, что отношение Гримма к России сводится только к службе: «Если в 1777 году он и называет себя русским, причем совершенно искренне, он имеет в виду вовсе не свою включенность в русскую культуру, но просто-напросто тот факт, что отныне он состоит на службе у императрицы и что он проявит высочайшую лояльность по отношению к ней»[35]. Это мнение во многом оправдано поступками и словами самого Гримма: он никогда не бывал за пределами Санкт-Петербурга, не знал языка (что служило ему поводом отказаться от постов при дворе, которые предлагала Екатерина II), был очень плохо знаком с русской культурой. Обойти эти существенные факторы и называть себя «русским» ему помогала фрагментарность эпистолярного жанра и общая склонность к ничему не обязывающей галантной игре масок. Подобные элементы: небольшие зарисовки, мимолетные упоминания, иногда отдельные слова рассыпаны по всей его переписке с Румянцевыми. Их количество опровергает мысль о случайности их возникновения, но только

[35]Schlobach J. Op. cit. C. 52.

подтверждает идею о сложной разрозненности литературной личности. Чаще всего Гримм принимает образ русского, когда речь идет об одном из военных конфликтов, что вела императрица: подобные контексты способствуют проявлению некоторого патриотического чувства в литературной личности Гримма. Он может представлять себя патриотом и дипломатом, прекрасно знающим о положении дел империи[36] в одной ситуации, и человеком неосведомленным и поддающимся наплыву чувств — в другой. Ощущение собственной причастности, желание быть наравне с собеседниками влияют на развитие его «литературной личности», заставляют дополнять и развивать «русский» аспект. Темы, так или иначе связанные с Российской империей и ее обитателями, на протяжении 70-80 годов занимают все более широкое место в переписке Гримма и Румянцевых, и это приводит к тому, что в определенный момент русская составляющая его «литературной личности», выраженная менее ярко, чем немецкая, количественно доминирует в его письмах.

Тема его отношения к Франции и Парижу рассматривается в **разделе 2.1.3 «Франция»**. « Французский » элемент литературной личности Гримма представлен в его переписке с Румянцевыми меньше, чем можно было предположить, но тем не менее он занимает значительное место, особенно в письмах 70-х годов. Наиболее часто, указывая на парижское общество, он использует местоимение «мы»/ nous, которое означает и весь Париж, «духовное пиршество, где Франция так долго заправляла»[37], и более или менее широкий круг его знакомых. Особенно важно, что это «мы» относится только к парижскому обществу и никогда — ко Франции в целом. Называя Гримма «полуфранцузом» госпожа д'Эпине была неточна, так как французом он не был вовсе: Гримм был гражданином Парижа, его полноправным

[36]Состоя в переписке с Екатериной II, Гримм получал многие сведения от нее самой. Например, в 1796 году она делится с ним идеей кампании против революционной Франции : « Я предложу полкам Конде приоединиться к моим, но никому об этом пока не говорите. Мои курьеры отправились в Берлин, Вену и Лондон, и шестьдесят тысяч солдат находятся в боевой готовности ; при необходимости я смогу удвоить их количество ». // Екатерина II – Гримму, 3 сентября 1796 года. СРИО, том 23. 1878. С. 693.

[37]Fumaroli M. Quand l'Europe parlait français. P., 2001. C. 19.

жителем без приставки «полу». При этом, образ Гримма-парижанина не существует в одиночестве, он всегда окружен обществом и является его частью: идеал социабельности Просвещения воплощен в городе, где процветают философия и искусства. Впрочем, образ Парижа не однозначен и не лишен контрастов, гипербол и противоречий. Нередко Гримм переходит от описания идеального общества к картине нового Вавилона. Он напоказ тяготится жизнью в Париже, чтобы соответствовать настроениям Сергея Румянцева, который ценит одиночество и спокойствие, но, невзирая на патетические восклицания в письмах к Румянцеву, он не мыслил себя вне парижского «мы».

Наконец, **раздел 2.1.4 «Вечный жид: мотив бесконечных скитаний»** посвящен последнему периоду жизни Гримма и его скитаниям после бегства из революционного Парижа. Мотив вечного странствования — доминанта этого мифа, выраженная во французском выражении Le Juif errant[38], - присутствует почти во всех письмах Гримма, написанных после 1793 года. Второй важнейший аспект легенды, идея вечной жизни, возникает даже раньше, уже в начале 80-х годов. Впервые тема страха перед смертью близких появляется уже в 1775 году в связи с долгой и мучительной болезнью его подруги жизни, госпожи д'Эпине, а во второй половине 80-х годов идея о слишком долгой жизни оформляется окончательно. Впоследствии мечта о скором конце станет одним из топосов переписки Гримма с Румянцевыми, который он обыгрывает по-разному в зависимости от обстоятельств. После 1792 года и отъезда в Германию мотив наказания долгой жизнью дополняется

[38]Специалист по еврейскому фольклору Г. Хасан-Рокем проводит сравнительный анализ восприятия этого мифа в разных языках. Во французкой и английской традициях доминантой является мотив странствования, выраженный в Le Juif errant и The Wandering Jew соответственно. В скандинавской традиции этот мотив иногда дополняется указанием на профессию Агасфера: Иерусалимский сапожник в шведском и датском языках. Немецкая традиция, как и русская, основаны на втором важнейшем мотиве — вечной жизни, который выражается в «Вечный жид» и Der Ewige Jude. / Hasan-Rokem G. The Wandering Jew // The Encyclopedia of Jewish Folklore and Traditions. New-York, 2015. C. 558.

идеей бесконечного странствования, и образ Вечного жида становится едва ли не доминирующим в литературной личности Гримма.

Второй аспект «разрозненного Я» Гримма — его положение при дворе — анализируется в **разделе 2.2 «Друг монарха»**. Рассуждение о роли придворного и службе занимает значительное место в переписке так как собеседники Гримма по своему рождению были обязаны служить, и в параллель с их карьерой он пытается определить собственную роль при дворе. Его любимой формулировкой является «друг монарха», однако, при всей своей ясности она подразумевает несколько трактовок и, как в вопросе о национальной самоидентификации, образ Гримма-друга монарха распадается на несколько составляющих. В зависимости от контекста или настроения собеседника Гримм адаптирует свой *этос*, который варьируется между двумя полюсами, от ничтожества до философа, и между ними существует несколько переходных ступеней. Таким образом становится очевидно, что в письмах Гримма нет последовательного рассуждения и даже единой мысли, так как фрагментарность эпистолярной формы позволяет ему балансировать между полярными точками зрения.

Глава III «Смена ориентиров: от литератора к дипломату» затрагивает вопрос тематики переписки Гримма с Румянцевыми и изучает эволюцию его профессиональных интересов. 1773-1775 годы – один из важнейших периодов в жизни Гримма, в это время происходит трансформация его карьерных и, в более общем смысле, жизненных ориентиров. По этой причине переписка с Румянцевыми, начатая сразу же после их расставания в Лейдене, в гораздо меньшей степени, чем можно было бы ожидать, касается литературной жизни и парижских салонов. Упоминания о культурных событиях или новых произведениях возникают достаточно редко и чаще всего по инициативе Румянцевых. Сам Гримм противопоставляет литературе, «досугу» свою деятельность посредника и дипломата и небезуспешно старается изменить представление о себе в глазах тех,

кто знал его в первую очередь как парижского журналиста. Образ доверенного лица монарха станет фундаментом его «литературной личности», особенно в переписке 80-х годов, где он развивает темы государственного мужа, монарха, придворного.

Раздел 3.1 «Государственный муж» посвящен многостороннему рассуждению Гримма о роли придворного. Важным в анализе этого феномена является то, что то нарочито открещиваясь от литературы, лелея образ делового человека, Гримм, осознанно или нет, возвращается к ней, ищет аргументы и понятные образы в известных произведениях, проводит параллели и, в целом, заимствует черты своей «литературной личности» из художественного мира. Выступая в роли ментора, Гримм опирается в частности на роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (*Les Aventures de Télémaque,* 1699), который по-разному трактует в переписке с каждым из братьев. В переписке с С.П. Румянцевым Гримм создает «Телемака наизнанку»: пародирует тему воспитательного путешествия, когда отказывается впредь ехать куда-либо с Румянцевым и с содроганием вспоминает их поездку в Лейден, а торжественной тематике романа Фенелона он противопоставляет нарочито бытовые вопросы. Напротив, в переписке с его братом Гримм сохраняет строгий учительский тон вплоть до конца 80-х годов, а его поучения представляют собой компиляцию из идей эпохи, почерпнутых, в частности, из «Энциклопедии» и «Приключений Телемака». В своем желании выступить в качестве ментора при будущих министрах Гримм пытается обрисовать им стройную систему отношений между сувереном и придворным, которую во многом заимствует из литературы, но при этом остается теоретиком, так как не вносит в это описание личный опыт, и образ учителя остается малоразвитым по сравнению с образом собеседника. Гримм не хотел оставаться при дворе и определял себя как друга монарха, что оказало большое влияние на образ императрицы Екатерины, какой она предстает в переписке: образ интимный, порой

иронический, поданный через призму эмоционального восприятия, который Гримм неоднократно обыгрывает в стилистике фейной сказки.

Раздел II «Эпистолярная социабельность: форма и тематика» рассматривает эпистолярные практики Гримма в социокультурном аспекте. Гримм меняет поле деятельности, но не ее форму: от роли литературного корреспондента от переходит к обязанностям комиссионера, посредника, «фактотума», главным рабочим инструментом которого по-прежнему остается переписка. Письмо воспринимается Гриммом как полноценное действие, основной инструмент его успеха, поэтому он многократно повторяет мысль о важности корреспонденции, где письмо выступает в качестве ключа к успеху. Письма создают отдельный пласт социабельности, куда Гримм включает своих многочисленных собеседников и меняет его конфигурацию в зависимости от необходимости. Он умело совмещает два пространства: светское и эпистолярное, и в обоих он составляет сеть контактов, с каждым днем все более широкую, при этом он нередко он использует обе возможности: и своих знакомых в Париже, и переписки. После возвращения из первого путешествия в Санкт-Петербург Гримм стремится расширить свою эпистолярную сеть и все больше включается в дипломатическую жизнь Европы: его переписка с Н.П. Румянцевым представляет собой активный канал, по которому передается разнообразная информация, касающаяся международных отношений и, в особенности, - политики Российской империи.

Эта тема подробно рассматривается в **разделе 3.3. «Русская тематика переписки»**, так как занимает значительное место в корреспонденции и ярко иллюстрирует смену интересов Гримма. После первого путешествия в Санкт-Петербург он окрылен успехом у императрицы и при дворе, поэтому в Париж он возвращается, по выражению госпожи д'Эпине, «совершенно

обрусевшим»/complètement russisé[39]. Довольно рано Гримм начинает думать о возвращении в Санкт-Петербург, и эта идея нашла свое отражение в его письмах Сергею Румянцеву: он обсуждает с молодым другом возможные выгоды путешествия, его стоимость и другие практические вопросы. В более широком смысле, Гримм интересуется внешней и внутренней политикой России. Он хочет быть в курсе всех событий и сохранить связь с петербургским двором, а переписка с молодыми Румянцевыми, имеющими очень широкие знакомства (не считая знакомств их матери) давала ему все возможности. Третьим элементом «русской тематики» является так называемая «русская колония», то есть, представители русского двора, посещающие Париж на более или менее долгий срок. Общение Гримма и русских путешественников во многом вращается вокруг светской интеллектуальной жизни Парижа, с которой хотели познакомиться новоприбывшие.

В **Заключении** подводится итог рассуждениям о том, каким образом изменялась и эволюционировала «литературная личность» Гримма и насколько продуктивным инструментом в анализе эпистолярного текста служат понятия «литературной личности» и *этоса*; суммируются различные наблюдения и намечаются пути дальнейшего исследования как эпистолярного наследия Гримма, так и более широкого корпуса русско-французских переписок в литературном, историческом и культурологическом контекстах.

Приложение 1 содержит краткий исторический очерк жизни Гримма и его знакомства с графами Румянцевыми, необходимый для более полного понимания цитируемых отрывков. В **Приложении 2** находятся копии двух писем Гримма в качестве иллюстративного материала.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности

[39]Galiani F., d'Epinay L. Correspondance, tome V. P., 1997. C. 51.

10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)»

1. Сасова Е.А. Материальность в поэтике частного письма (письма Ф.М. Гримма к графу С.П. Румянцеву) // Вестник Московского университета. Серия : Филология. 2017. №2. С. 182-191.

2. Сасова Е.А. Диалог в переписке Ф.М. Гримма с Н.П. и С.П. Румянцевыми: между интимным и частным // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. Т.18, №1. С. 40-44.

3. Сасова Е.А. Ведь я германец: к вопросу о космополитизме Ф.М. Гримма // Вестник Московского университета. Серия : Филология. 2018. №5. С. 116-125.

4. Сасова Е.А. Легенда о Вечном жиде в контексте «литературной личности» Ф.М. Гримма // Новый филологический вестник. 2019. №1. С. 261-272.

Публикации в других научных изданиях

5. Сасова Е.А. Горечь расставания и радость встречи как элемент эпистолярной игры в переписке Ф.М. Гримма и Н.П. Румянцева (1782-1789) // XVIII век: смех и слезы в литературе и искусстве просвещения: коллективная монография. СПб.: Алетейя. 2018. С. 640-648.

6. Сасова Е.А. Эпистолярный диалог в переписке Ф.М. Гримма с Н.П. и С.П. Румянцевыми // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ — 2017» / Отв. Ред. А.И. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2017. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10615.htm Дата посещения: 22.11.2018.

Отпечатано в копи-центре « СТ ПРИНТ »
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 8 (495) 939-33-38
Тираж 60 экз. Подписано в печать 19.06.2019 г.